

Четвёртава января сорок четвёртава года. Ну, вот кстати я вам тагда коратенька пра эта раскажу. Деревня у нас шпиталась партизанская, паскольку вы сами видите, ана кругом в лесу. К нам бежали дажэ з других деревень прятатца, немцы стаяли вот в Трэсне, в Нінково были... Трэсны... гости... А у нас были, не была... партизаны первый гот вайны, сразу ани в лесах тут блиндажы строили и хадили ночью па деревне, прасили паесть, папить, там адежду, какую-та фуфайку, обуф давали. Скрывали, никто никагда не выдавал... Патом, кагда ужэ ф сорок... в канцэ, навернае, или зимой сорок четвёртава года, партизан стала очень многа, маладэш фся ушла ф партизаны. И у нас в деревне ушли, и вот этат Михаил Алексеевич, што играл, тожэ ушол ф партизаны. Ну вот, они [партизаны] ужэ вшли в деревню ночью с песнями, и раскварти... расквартиравались па дамам па пять, па четыре челавета. Деревня, канешно, избушки были маленькие. И жили, и хадили в задание. Хадили в это вот... Выбили там немцев, там, в Дно хадили, на жылезную дарогу и вазврашшылись.

Ну, кароче гаворя, немцы, канечно, эта терпели-терпели и решыли паслать карательный атрят на Гарушку. И вот днём четвёртава января сорок четвёртава года, с утра, партизаны тут вроде стали па дярвене какое-та движэние. Ну, да этава в деревне правадилы такую палитику партизаны, што «капайте акопы, ухадите фсе в лес ф случае чево».

У каждава был в лесу... вот у нас тут запушшена, выкапан акоп, и нада была атправить людей, канешна. Вот эта маё личнае мнение. Как тут замешательства палучилась, што ани [партизаны] дажэ не пустили людей. Сказали, будет движэние, мол, сидите фсе, садитесь в акопы в агароде. И мала людей, каво... кто ушло. Ну, патом, значит, стали ужэ слышны выстрелы, стали пажаришшы видать кругом деревни... горят... и палетели самалёты над деревней. Вот мы лична сидели в акопе в агароде. Четыре жэнщины з детьми, многа была детей. Бапка старая тут, баба Груня. Патом две жэнщины вышли, што-то люди... «Ой, – гаварит, – пабежали в лес». Давайте и мы вот там агародами (а лес-та сразу за агародам), и мы только успели в лес, ужэ па другой дароге шли немцы, и ани прастреливали, праश्यвали лес, пули только вжык-вжык, а самалёт над нами прям ниска, па самым саснам, и стреляет, стреляет. Ну, прямова пападания вроде не была. Никто не пагип.

Ну, а кто-та не ушол в лес, кто астался. Вот как рас и бабушка мая и вот с внукам с маленьким, и там ешшэ была в акопе в агароде. Ани зашли в деревню. Партизаны ушли, видима, видима, за Шелонь, аставили тут засаду, эти не удержали, ани вшли в деревню. Часть сагнали, значит, в адин край деревни, там запёрли в хлеф, а других... с той стараны... сабрали и хатели тожэ, видно, в ызбу, там за речкай сразу жжэчь, народ не пашёл, никак, упёрся и фсё, тагда ани, партизанский штаб, партизанский штаб был вот там, где магила брацкая, ну, вот где зарыта, был дом. Сагнали фсех, паставили, гаварят, шэсть пулемётаф или три, ня знаю, перекрёсным агнём и фсю эту кучу...(там была сто челавет – сто писят). Хоть написана на памятнике там сто шысят четыре дажэ, есть а там ешшэ куча [реплика], а там ешшэ адна, да.

Перекресным агнём, значит, палажыли и пашли за саломай, штобы жжэчь эти сваи злодеяния. Кагда ани ушли, тут кое-кто раненый, кто заваленный, кто живой. Стали перегавариватца, выпалзли и пад берек, пад речку, кто куда. Часть людей, вроде даже дваццать семь челавет, шпитали, ушло живых, раненых, фсяких. Некатарые детки маленькие згарели живьём, выпалзли, а патам, значит, тут гарела фся деревня, гарела тут, большой дом, пятистенный. И гарели эти трупы фсе. И кагда в деревню... Патом ани там

прашли дальше, был большой акомп, туда фкопана была изба или амбар (што-та, там была человек трицать), аттуда выташили и тожэ на ручейке растреляли. Вот ани сейчас, где скотный двор, там зарыты, там никакова ни памятника, ни аграды нету.

То жэ самое и дети, и там две семьи была у нас, была многа. Деревня была набита, как улей пчелиный. Здесь были бежинцы с-пат Стáрай Рўсы, ис-пат Демя́нска, там патаму што фронт: то наши, то немцы, то наши. И вот немцы их сюда выселяли. И ф каждой избе ешшэ стая... была сямья, и вот там две семьи растреляна, раньшэ была на той магиле дасочка такая вырезана: па сем человек – дети, и шэстимесячные, и две семьи роцтвенники.

Ну, вот на этой магиле памятник адин стоял, шшыс другой, где человек сто писят, сто шшыс четыре. Ну, эта фсево, навернае, – сто шшыс четыре. Ну, здесь человек, не знаю, написана сто двадцать семь. Па-моему, на памятнике эта, канешна, не правильна, вот пашишать была трудна, патаму што не адни сваи деревенские, из других деревень были, были и из бежинцэф, да... да... были атафсюда растреляны.

В обшшэм, эта бальная была трагедия, кагда люди пришли из лесу, увидели вот эта. Катя... её тожэ, её невестка з двумя маленькими дятми, красавица, Юрочка и Толенька, а муж был на вайне, учитель, вернулся... жыф, а жэна вот с этими двумя детишками, вот в этой куче была. Многих была не узнать, эта проста галавешки. Маю бабушку па маме, вот её растреляли там на агароде. Их выташили, этих гнали в Латвию и Криўху фсех тожэ, и раненые были, и детишки, и разутые, раздетые, пешком. А здесь вот эта куча осталась. Фтарые дед с бабушкой, дед и прабапка нашли пэпелишше на... на пэпелишше трупы, видима, то ли их застрелили, то ли ани живые згарели. В обшшэм, там и партизаны ф калотцы были накиданы. Вот Валентина Якавлевна, каторую вы записывали, ани закрылись в акопе на агароде, живы астались, натапили, боялись выхадить, не знали, вышли ли немцы з деревни, деревня згарела, уснули и угарели. Вот она еле-еле ачухалась, адну расталкала, а четвера там так и умерли. В обшшэм, по фсей деревне были трупы, была... была страшна. Не дай Бог никаму такова.

Записано от Титовой Анны Григорьевны, 1930 г.р., Алексеева Михаила Алексеевича, 1924 г.р., Михайловой Екатерины Алексеевны, 1922 г.р., Сергеева Ивана Григорьевича, 1939 г.р., Платоновой Валентины Яковлевны, 1929 г.р., Черепановой Антонины Степановны, 1930 г.р.; д. Большая Горушка (Юрковский с/с) Дн. р-на Пск. обл., 1993 г.